

**Военные
Приключения**

ГЕНИЙ РАЗВЕДКИ

СЕРГЕЙ БОРТНИКОВ

Военные приключения (Вече)

Сергей Бортников

Гений разведки

«ВЕЧЕ»

2022

Бортников С. И.

Гений разведки / С. И. Бортников — «ВЕЧЕ», 2022 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8759-0

Владимир Подгорбунский... Единственный ребёнок в семье пламенных революционеров-большевиков, из-за ранней смерти обоих родителей оказавшийся в детдоме, где, как он сам позже вспоминал, «научиться воровать было легче, чем письму и чтению». Всё перевернула война. Всего за год с небольшим Подгорбунский станет Героем Советского Союза, капитаном РККА и получит в войсках негласный титул «гений разведки»... Новый роман одного из популярных авторов современной героико-приключенческой прозы, лауреата литературной премии «Во славу Отечества».

ISBN 978-5-4484-8759-0

© Бортников С. И., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Вместо предисловия	7
I. Истоки беспримерного героизма	8
II. На пути к исправлению	13
III. Боевой путь. Начало	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Бортников

Гений разведки

«Военные приключения» является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство «Вече».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Составитель серии В.И. Пищенко

© Бортников С.И., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

**Военные
Приключения** ®

СЕРГЕЙ БОРТНИКОВ

ГЕНИЙ РАЗВЕДКИ

**Москва
«Вече»**

*Подлинная и абсолютно полная история жизни и невероятных героических подвигов
одного из самых удачливых фронтовых разведчиков*

Вместо предисловия

Уже во время написания одного из предыдущих своих произведений – романа «Три смерти Ивана Громака»¹, где среди множества различных персонажей можно встретить и нашего сегодняшнего главного героя – Владимира Николаевича Подгорбунского, автор не единожды задавал себе вопрос: «Откуда же в нём – простом советском парне, сироте, детдомовце, столько внутренней духовной силы, чтобы вершить такие славные дела?» – и не находил ответа...

Пришлось, как говорится, копнуть глубже...

Вот что из этого получилось.

---

¹ М.: Вече, 2019, серия «Военные приключения». (Здесь и далее примечания автора.)

І. Истоки беспримерного героизма

1

В те далёкие, ещё дореволюционные, времена в состав Феодосийского уезда Таврической губернии входила одна уникальная административно-территориальная единица, напрямую подчинённая министру внутренних дел Российской империи – Керчь-Еникальское² градоначальство.

Его земли простирались от мыса Елкен-кале³ аж до Обиточной⁴ косы, что в северной части Азовского моря.

И руководили этой странной структурой сплошь и рядом выдающиеся лица. С момента образования, то есть в 1822–1823 годах, – полковник Иван Иванович (при рождении Иоганн Якоб) фон Ден, активный участник многих тогдашних войн, которые Россия во все века и времена вела на самых различных направлениях: юге, севере, востоке и западе; кавалер орденов Святой Анны всех (с первой по четвёртую) степеней, Святого Александра Невского, Святого Владимира и прочих, прочих, прочих...

За ним (в 1823–1825 годах) – действительный статский советник Андрей Васильевич Богдановский, участник Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, Отечественной войны 1812 года и многих заграничных походов.

Затем (с 1825 по 1828 год) – полковник Александр Никитович Синельников, опять же – военачальник, герой, орденосец...

Год-другой – и новый руководитель.

Ничуть не менее влиятельный, чем предыдущий.

Что не имя, то легенда!

Судите сами...

Филипп Филиппович Вигель, Иван Алексеевич Стемпковский, Захар Семёнович Херхеулидзе (Херхеулидзе) и даже контр-адмирал Алексей Петрович Лазарев. Последний – в 1850–1851 годах...

Во время появления на свет Иннокентия Васильевича Шнее – дедушки Володи Подгорбунского по материнской линии, – в Керчи властвовал представитель славного рода князей Гагариных – Дмитрий Иванович, генерал-майор.

А когда, четверть века спустя, Шнее «пристегнули» к одному из самых громких дел того исторического периода – «О пропаганде в Империи», получившему в народе название «Процесс ста девяносто трёх»⁵, и отправили под суд, который почему-то проходил в Одессе, Керчь-Еникальским градоначальством руководил генерал-майор Николай Петрович Вейс.

До ареста Иннокентий Васильевич мог свободно путешествовать по всей Европе, перевозя в ящике для фотоснимков запрещённую литературу, – статус придворного фотографа австрийского императора позволял и не такое!

---

² Еникале (Ени-кале) – в переводе с крымско-татарского «новая крепость»: фортификационное сооружение на берегу Керченского пролива. В настоящее время – в черте города-героя Керчь.

³ Теперь Тархан – мыс в северо-восточной части Керченского полуострова. Попрошу не путать с более известным Тарханкутом.

⁴ Во многих старых документах через «ы» – Обыточной.

⁵ Дело революционеров-народников, разбиравшееся в Петербурге в Особом присутствии Правительствующего сената с 30 октября 1877 года по 4 февраля 1888 года, по которому за революционную пропаганду были арестованы 193 участника «хождения в народ».

Начинающего революционера приговорили тогда к смерти – как водится, через повешение, но по случаю коронации очередного российского самодержца (Александра Третьего) казнь благополучно заменили на пожизненную ссылку и отправили беднягу в кандалах через всю огромную страну в далёкую, властями и Богом брошенную Якутию – на поселение.

Десять лет Шнее прожил в тундре, где в конечном итоге и подхватил тяжелейшую форму туберкулёза. Что, впрочем, не помешало ему жениться на 17-летней Прасковье Янченко, красавице дочери своего друга Михаила, с Полтавщины. Самому «Кеше», как было позволено называть ссыльного лишь самым близким соратникам, тогда исполнилось уже тридцать семь лет.

Практически с каждым годом число членов счастливой молодой семьи увеличивалось на одну «боевую единицу». Можно сказать – по заранее намеченному плану. Первым появился на свет конечно же Владимир (как не увековечить светлый лик будущего вождя мирового пролетариата!), за ним Евгения, Ольга, Надежда и ещё одна дочурка, имя которой история не сохранила – вскоре после рождения она, к сожалению, умерла. И всё же – жизнь быстро налаживалась: для полного счастья осталось только перебраться куда-нибудь поближе к благам цивилизации!

Иннокентий Васильевич постоянно писал прошения «наверх», и однажды добился-таки своего: получил долгожданное разрешение на переезд в Балаганск – окружной город Иркутской губернии.

Однако...

До Великой пролетарской революции дожили не все.

Первым ушёл единственный сынок и почти сразу же потянул за собой Наденьку, а следом за ней – и обоих родителей. Слишком страшная болезнь – чахотка...

Старшие дочери к тому времени успели выйти замуж и обзавестись собственным потомством.

В 1914 году у Евгении родилась дочь Галинка, а в 1916-м у Ольги – мальчик, которого назвали конечно же Володенькой: святое Ленинское имя, как видим, в их доме было в особой чести.

Отцом первенца стал народный учитель и, как следовало ожидать, знатный большевик Николай Алексеевич Подгорбунский, взявший на себя функцию главного кормильца большой и дружной семьи, в которую влились в том числе и его многочисленные братья-сёстры. Их, между прочим, тоже оказалось четверо.

Жили мирно, честно, в согласии; как и полагается русским людям.

Но...

Вскоре разразилась Гражданская война.

Николай ушёл воевать в красный партизанский отряд и в начале июля 1918-го был схвачен белыми. Те пообещали сохранить Подгорбунскому жизнь, если он письменно откажется от своих убеждений.

Не отказался. Не покаялся. Не согнулся.

Ушёл достойно, с высоко поднятой, как у нас говорят, головой, тем самым демонстрируя для будущих поколений яркий пример стойкости и отваги...

Надеюсь, теперь, дорогие мои читатели, вы понимаете, откуда у Володи Подгорбунского эта твёрдость воли, несокрушимость духа, невероятная сила цельного мужского характера?

2

Предав земле тело любимого супруга, Ольга Иннокентьевна, по примеру ближайшей родни, к тому времени ставшая убеждённой, как она сама говорила – матёрой, – большевичкой, подалась в красные партизаны.

Отряд Зверева, в котором выпало сражаться молодой маме с двухлетним (!) сыном на руках, действовал в районе слияния двух великих сибирских рек – Лены и Куты (ещё в XVI веке в том месте основали одно из первых русских поселений, известное под названием Усть-Кут), и как раз готовился захватить этот стратегически очень важный населённый пункт.

Операция прошла блестяще. С минимальными (для красных) потерями.

Именно поэтому её главного разработчика (и, что интересно, – непосредственного исполнителя) Даниила Евдокимовича Зверева, в прошлом – кадрового военного (поручика царской армии), решено было назначить командующим только что образованной Восточно-Сибирской Советской армии – была некогда и такая.

Пошла на повышение и персональный секретарь свежеиспечённого красного военачальника – товарищ Подгорбунская, следом за командармом перебравшаяся в губернский город Иркутск; вот только занялась она не военным строительством, а партийным – плечом к плечу со своей старшей сестрицей Женей.

Их дети, двоюродные брат и сестра Володя и Галина, в то время воспитывались в Красноармейском детском доме. Во всём помогали друг другу, делились продуктами, немногочисленными, почти всегда – самодельными игрушками; горой стояли за родственную душу – и с тех пор стали самыми близкими на свете людьми.

Однако вскоре их пути разошлись.

Ольга во второй раз вышла замуж и, забрав из детдома малолетнего отпрыска, укатила в Москву.

А что? В Стране Советов наконец-то установился прочный мир. Настало время строить личную жизнь и конечно же партийную карьеру.

Пламенная революционерка успешно сдала экзамены в Коммунистическую академию имени Надежды Константиновны Крупской, устроилась на работу в «Крестьянскую газету», но в полной мере так и не смогла раскрыть, реализовать свой управленческий талант – старый недуг никак не отпускал, регулярно давая о себе знать тяжёлыми болями в груди, постоянной скованностью и без того слабым мышцам, участвовавшими случаями кровохаркания...

Быстро взрослеющего Володьку болячки покамест обходили стороной, и, чтобы не допустить заражения распространившейся в семье смертельно опасной хворью, родственники на общем совете приняли решение отправить мальчишку в Улан-Уде, куда к тому времени успела переехать семья Кожевиных (таковой теперь была фамилия родной сестры матери, то бишь Володиной тётки и, соответственно, его же обожаемой двоюродной сестрички).

Там дети наконец-то начали регулярно посещать школу. Непростую, как сказали бы сейчас – элитную: имени Василия Блюхера (если кто забыл – третьего по счёту главнокомандующего Народно-революционной армией Дальневосточной республики, военного министра ДВР).

Предельно дисциплинированная, старательная и, казалось, всё схватывающая на лету, Галина Кожевина вскоре стала одной из лучших учениц этого учебного заведения. Редактировала стенгазету, устраивала субботники, принимала самое активное участие в многочисленных внеклассовых мероприятиях.

Младший брат поначалу тоже особо не отставал. Как-никак – вожатый звена, несомненный лидер ребятни во всех военных играх!

Впрочем...

Длилась эта семейная идиллия всего лишь несколько лет.

А потом...

Ольга Иннокентьевна окончательно слегла. И любящий сын, не мудрствуя лукаво, немедленно помчался в Москву.

Успел.

Но жить маме оставались лишь считанные дни...

3

Что делать в Первопрестольной, где у него не было ни одной родственной души, если не считать, конечно, отчима, отношения с которым, по каким-то причинам, не заладились с первых дней знакомства, Володя не знал.

И поэтому с лёгкостью согласился на предложение сослуживцев покойной мамы, – её верных друзей по красному партизанскому отряду, прибывших на похороны соратницы, – вернуться в родную Читу.

А там...

Там с ним тоже не стали церемониться. Без лишней волокиты и всевозможных бюрократических проволочек определили сироту в детский дом с интригующим названием «Привет красным борцам», и... «пока-пока»: живи, как знаешь!

«На день триста грамм черняшки⁶, тарелка кондера⁷ и по воскресеньям – пирожок, зажаренный в собственном соку. А на рынках – молоко, сметана, мёд, кедровые орешки и другие деликатесы...

В нашем детдоме “Привет красным борцам” воровать научиться было легче, чем письму и чтению...

К девятнадцати годам я имел... тридцать шесть лет заключения. Количество приводов учету не поддается...» – спустя много лет, уже во время Великой Отечественной войны, «пожалуется» Подгорбунский одному из политработников, рассказ о котором ещё впереди.

Бравидуя, конечно, бахвалясь... И, как водится, в той, блатной, преступной среде, немного привирая, – с целью возвеличивания собственных героических «подвигов» – ведь, как известно, советское законодательство, в отличие от, например, американского, никогда не предполагало суммирования сроков лишения свободы.

Но, как вы, должно быть, догадались, свой выбор – в пользу преступного сообщества – юноша уже сделал и менять его пока не собирался. Слишком был прямой и целеустремлённый – не метался из стороны в сторону, не шарахался. Избрал путь – иди по нему. Твёрдо, решительно, не оглядываясь назад...

Недаром в качестве жизненного кредо он избрал выражение: «Делай, что должно – и будь что будет!»

А ещё: «Не верь, не бойся, не проси». Но это уже не личный, а общий для миллионов бесправных постояльцев огромной «страны ГУЛАГ» девиз, позже воспетый антисоветскими вольнодумцами.

Хотя...

Я лично непременно взял бы последнее слово в кавычки.

* * *

Время шло.

Одна зона сменялась другой. Одни «подельники» и, как следствие, новые товарищи по несчастью, то есть отсидке, – другими.

При всём том долго на одном месте Володька не задерживался. Без раздумий, при первом же удобном случае – линял, «становился на лыжи». То есть, если выразаться нормальным человеческим языком, – попросту сбегал.

---

⁶ К современному наркоманскому сленгу это слово не имеет никакого отношения. Речь идёт об обычном чёрном хлебе.

⁷ Кондер (кондёр, кандёр) – походный казачий суп с пшеном.

Чтобы почти сразу же в очередной раз попасться в лапы «краснопёрых» и отправиться по накатанной стезе либо в тот же (исходный), либо в какой-то иной, ничуть не лучше предыдущих, лагерь.

Пожалуй, он многого бы достиг на той несправедливой, противозаконной воровской ниве. Если бы не генетическая память, не извечная тяга к добру и справедливости.

И – не «историческое» знакомство с одним, крайне авторитетным в арестантской среде человеком, в конечном итоге с ног на голову перевернувшее все представления о жизни в душе главного персонажа нашего сегодняшнего повествования.

В каком месте оно состоялось, автору, к сожалению, неизвестно. И имя мужчины, направившего Подгорбунского на праведный путь, доселе не ведомо.

Остальные сидельцы обращались к нему предельно просто, коротко и в то же время с глубочайшим уважением – Дед. А самые доверенные и вовсе – Полковник. При этом мало кто из них знал, что такая громкая «погремуха»⁸ приклеилась к немолодому и очень авторитетному узнику вовсе не случайно и что столь высокое воинское звание он на самом деле получил много лет тому назад – ещё в начале 30-х годов, но вскоре жизнь, как говорится, дала трещину: в СССР начались массовые репрессии против руководящего состава РККА.

Как бы там ни было, именно этот, умудрённый сединой, но, как прежде, жизнерадостный и чрезвычайно стойкий, можно сказать несломленный и мудрый человек стал для Володьки Подгорбунского жизненным наставником, да что там! – вторым отцом, дал толчок для превращения законопослушного юнца в одного из самых отчаянных и дерзких героев великой Страны Советов...

---

⁸ Погремуха, погоняло – прозвище (*жаргон*). Ни в коем случае не кличка! Клички, как считают представители блатной субкультуры, бывают только у собак.

II. На пути к исправлению

1

Высокий и невероятно худой даже по лагерным меркам мужчина, которому на самом деле ещё не исполнилось и пятидесяти лет (хотя выглядел горемыка на все сто – настоящий, как в своё время метко заметил классик мировой литературы, «живой труп»; точнее и не скажешь!), громко кашлянул и жестом подозвал к себе одного из соседей по бараку – юркого, смышлёного мальчишку лет восемнадцати. На воле тот слыл «форточником» – благодаря своим мелким габаритам, легко пролазил в любое, даже самое узкое отверстие и выносил наружу всё ценное, что находилось внутри указанного помещения.

А ещё...

Вечерами вместе со старшими товарищами паренёк отправлялся в очередное, заранее избранное питейное заведение с целью вычислить зажиточного «лоха» среди основательно загулявших лиц и немедля спровоцировать скандал: то ли в борщ плюнуть, то ли вроде как нечаянно опрокинуть на пол чужую тарелку или рюмку с водкой – и таким образом навлечь на себя вполне праведный гнев, частенько выливающийся в обычный звонкий подзатыльник – наш человек вспыльчив, легко воспламеняем и обычно готов махать руками по любому поводу и без.

«Ах... Так... Да я тебе!..»

В тот же миг перед его лицом, словно из-под земли, выростала лихая ростовская братва... Мол, «зачем мальчика калечишь?» За сим – неминуемые «разборки», разговор на повышенных тонах и, как следствие, всеобщий мордобой, во время которого Алик Дровянников (так звали в миру «народного артиста») умудрялся, как у них говорят, обчистить не одно жирное портмоне...

– Позови своего корешка, бесёнок.

– Горбуна? – переминаясь с ноги на ногу, молодой сиделец с подозрением покосился на бывшего – уж слишком необычным показалось его поведение.

Почему?

Несмотря на смертельную болезнь, Полковник старался поддерживать своё тело (и, главное, – душу!) в порядке: никогда не унывал, по утрам при возможности делал несложные физические упражнения и даже пытался иногда тягать гири, правда, в последнее время, – всё реже и реже; посему громоздкие железки успели основательно покрыться пылью под его козырной, отдельно стоящей, шконкой⁹. Но, если б он мог что-то сделать сам, ни за что не стал бы никого просить даже о таком, пустяковом, в общем-то, одолжении – по крайней мере, так было до сегодняшнего дня...

И вот всё изменилось.

Причём – не в лучшую сторону.

«Да уж... Конкретно сдал Дедуля; отошал, осунулся... Похоже, долго он не протянет!» – сделал неутешительный вывод совсем ещё зелёный, но не по годам наблюдательный и сообразительный – избранная «профессия» обязывает! – жулик.

– А то кого же? – устало обронил в ответ немощный «старец» и в очередной раз скорчился от боли, тем самым целиком и полностью подтверждая диагноз своего юного коллеги. – Найди и приведи!

---

⁹ Шконка – кровать, нары (каждая в отдельности полка, если они двухъярусные) в местах лишения свободы (*жаргон*).

– Зачем? – не совсем участливо и, наверное, абсолютно нетактично по отношению к старшему и более авторитетному товарищу, поинтересовался Алик.

Это в данной ситуации тоже выглядело непривычно и даже в какой-то мере неестественно, странно... Ибо ещё совсем недавно он был рад исполнить любую просьбу этого всеми уважаемого человека, никак не упорствуя и не задавая лишних вопросов.

– Хочу покалякать с ним по душам, покаяться... Авось в последний раз? – добавляя звука, твёрдо и чётко изложил суть своей позиции Дед.

– Кончай! – заводясь, тоже повысил голос Дровосек (так звали его товарищи по несчастью). – Тоже мне – страдалец выискался... Такого и ломом не добьёшь!

– Я раньше тоже так думал, сынок...

– И что, скажите, вдруг изменилось?

– Ничего. Просто время моё ушло. Больше не жилец я на этом свете... А жаль!

– Негоже преждевременно сожалеть о том, чего ещё не случилось... Сами учили...

– Что-то я не припомню в своём арсенале такого афоризма...

– Да как же? Было дело!

– Было... Не было... Какая разница?

– Большая!

– Прекрати пререкаться. Скажи прямо: кликнешь али нет?

– Попробую... Однако предупреждаю: шансов у нас с вами совсем немного, по факту – мизер!

– Разжуй!

– Что?

– Смысл своей последней фразы!

– А... Так ведь он, горемычный, с дальняка¹⁰ вторые сутки не вылезает. После той баланды, что намедни на вечерний заход¹¹ давали...

– Начальству доложили?

– Конечно! А то предположат от незнания, что он сбежал из лагеря, сделал, в очередной раз ноги, и подымут кипишь; ещё собак по следу пустят...

– Эти могут.

Полковник ещё раз окинул взором щуплую фигуру дерзкого донского форточника, увенчанную узким жёлтым лицом, и, оценив блудливую плутовскую улыбку, не сходящую с тонких, плотно сжатых, уст, вдруг усомнился в правдивости его предыдущих слов:

– А ты, часом, ничего не придумал?

– Чистая правда – зуб даю, – поблескивая беспросветными жульническими глазками, отбилса от наезда хитроватый от природы юноша.

– Странно... У меня лично после трапезы никаких неприятных ощущений не возникло.

– Это кому как повезёт, Деда, – продолжал ехидно ухмыляться, обнажая беззубый рот, «философ» Дровяников. – Я ведь тоже дно миски облизал, и ничего, выжил... А нашему корешу Вовану просто не посчастливилось... Сорвало нижнюю крышку конкретно! – продолжил развивать мысль Алик.

– Тогда, может быть, виной тому не похлёбка, а, например, гидрокурица?¹² – выдвинул свежую версию его многоопытный оппонент. – Она мне сразу не внушала доверия... Не трымалась купы¹³, как говорят у нас на Полтавщине, разваливалась на мелкие кусочки, штыняла¹⁴ так, что глаза слезились...

---

¹⁰ Дальняк – уличный туалет в местах лишения свободы (*жаргон*).

¹¹ Заход – групповой приём пищи в столовой – завтрак, обед, ужин (*жаргон*).

¹² Гидрокурица – селёдка (*жаргон*).

¹³ Дословно – не держалась кучи (*укр.*).

– С нашими хитро вымаханными ложкарями¹⁵ всё возможно, – согласно кивнул Дровяников.

– Как бы там ни было, времени на анализ всех обстоятельств этого чрезвычайного происшествия у меня, похоже, не осталось. Поспешите! Как говорили у нас в войсках: ноги в руки – и вперед за орденами. Быстрее ветра!

– Слушаюсь... Дело-то, по всей видимости, серьёзное! – громко вздыхая, потянулся юнец – до хруста в ещё слабых, окончательно несформировавшихся, костяшках. – Придётся снимать с горшка корешка и нести к вам, Дедуля, на руках. Иначе он не сможет. Но... Надо – значит, надо. Не волнуйтесь – сделаем!

Он нежно потрепал плечо тяжело больного, вкладывая в этот жест всё своё нерастратенное ранее сострадание и немедленно выскочил во двор.

– Горбун, ты где? – громко заорал Алик, отступив несколько метров от барака.

(На землю быстро опускалась беспросветная майская ночь, а прожекторы освещали только небольшой участок местности у входной двери.)

– Да здесь я, здесь! – не очень бодро донеслось в ответ откуда-то справа.

– Идти сможешь?

– Не знаю... Пока больше, чем на пять шагов, отползти от нужника не получалось...

– Полковник вызывает.

– Что-то срочное?

– Дед совсем плох! Покаяться жаждет...

– Хорошо. Лечу...

Противно скрипнула дверь, и вдали нарисовалась пока ещё плохо различимая коренастая фигурка, с каждым мгновением увеличивающаяся в размерах.

– Ты останься здесь, – сухо распорядился Подгорбунский, пребывавший в блатной иерархии чуть выше своего закадычного кореша (столько ходок позади!). – Сторожи сортир. Держи для меня место. Всех, кто желает сходить «по-малому» – направляй за угол, а то не успею, не добегу!

– Понял! Бу сделано, – оскалил кривые редкие зубы верный Дровосек.

* * *

– По вашему приказанию прибыл! – с показушной лихостью отрапортовал Владимир перед тем, как примоститься на свободный край одиноко стоящей новенькой деревянной койки.

Руку к виску он при этом, естественно, не прикладывал.

На сером, измученном, практически мумифицированном (простите за такое выражение) лице давнего сидельца заиграла слабая улыбка. Вероятно, ему в очередной раз вспомнились славные боевые будни красных броневых сил, которым Дед посвятил всю свою жизнь.

Точнее, ту её часть, что прошла не за решёткой.

Ах, если б можно было повернуть время вспять. И, по мановению волшебной палочки, снова очутиться там, в том сладостном далёком прошлом... Поумневшим. Со светлой головой и огромным жизненным опытом... Скольких ошибок он бы смог избежать...

Все мы умны, как говорится, задним числом!

«Отставить!» – хотел привычно рявкнуть Полковник.

Но...

---

¹⁴ Штынять – плохо пахнуть, вонять (*жаргон*).

¹⁵ Ложкари – повара (*сленг*).

В местах лишения свободы нет места милым его сердцу уставным отношениям! Военская дисциплина здесь не только не приветствуется, но и откровенно игнорируется, даже презирается большинством сидельцев...

– Смотри, какое дело...

Дед попробовал немного приподнять уставшее повиноваться тело, но из этой затеи конечно же ничего не вышло, и он продолжил говорить лёжа. Тихо. Спокойно. Почти шёпотом. Но в то же время – уверенно и твёрдо:

– Буду уходить. Скоро. Вот и хочу немного образумить тебя, сынок, предостеречь, так сказать, от неприятностей, от неверной линии поведения... Короче, направить на путь истинный.

– Я свою дорогу избрал и с неё не сверну, – отмахнулся Подгорбунский.

– Как знаешь... Но всё же... Не побрезгуй моими советами.

– Замётано.

Полковник сделал ещё одно усилие, чтобы принять наконец свойственное здоровому человеку вертикальное положение, но юноша не дал ему осуществить задуманное.

– Лежите. Говорите негромко. Я вас прекрасно понимаю!

– Если хочешь чего-то добиться среди шпаны, надо жить по её законам, то есть понятиям. Тем более, что ничего противоестественного, наносного, античеловеческого в них нет. Только истинный смысл – выстраданный, омытый кровью; сама, как говорится, соль нашего арестантского бытия. Не обманывай, не воруй у своих...

– Я так и поступаю.

– И правильно!

– Но ведь есть ещё «не бери в руки оружия». Как быть с таким противоречивым постулатом? – спросил Подгорбунский.

– Поживёшь – увидишь. И сам примешь решение. Верное, справедливое.

– Неужели только ради этого меня сняли с дальнояка?

– Нет! – резко ответил старик.

– Кажется, вы собирались дать мне какой-то дельный совет, напутствовать на дальнейшую мирную жизнь? – спросил озадаченный Владимир.

– В армию тебе надо, сынок...

– Что я там забыл?

– Послужишь... Посмотришь...

– Не...

– Старших надо уважать и слушать их, не перебивая!

– Молчу...

– Хочешь, отрекомендую тебя одному своему другу – Николаю Кирилловичу Попелю? Он сейчас, должно быть, большой начальник в АБТВ...

– Где-где?

– В автобронетанковых войсках... Выучишься на механика-водителя – и заживёшь.

– В каком смысле?

– Самом прямом! Ты даже не представляешь, какое это удовольствие – лететь в броне, не разбирая дороги. Через леса, овраги, мелкие речушки... Деревья падают, выворачиваясь с корнями, стены домов в клочья рассыпаются, люди и животные в панике разбегаются, кто куда... А ты насвистываешь любимую мелодию и периодически переключаешь рычаги управления... Хотя... Говорят, что их уже заменили на штурвалы – советские учёные не сидят на месте.

– Да... Красочно малюете. Что песню поёте. Может, я и соглашусь, только немного подумаю, можно?

– Можно, если осторожно, так как времени у нас с тобой крайне мало.

– У нас?

– Не придирайся к словам... Все мы под одним Богом ходим, и порой самые сильные молодые особи встречаются с ним раньше, чем немощные, хилые, казалось бы, давно приговорённые старики.

– Согласен.

– Ну что... Я черкну Попелю рекомендацию? Он мои каракули хорошо знает, не списывал конспект на командирских курсах...

– Погодьте денёк-другой, – попросил Владимир.

– Могу не дожидаться...

– А вы попробуйте.

– Не от меня это зависит.

– Если честно...

– А как же иначе, сынок, между мужиками, а?

– Устал я, батя... Двадцать лет дураку исполнилось, а за душой, пардон – ни шиша нет; одни уголовные статьи! И сроки, сроки, сроки... А так хочется на волю, чтобы полноценно жить, работать, учиться; короче – стать настоящим гражданином государства рабочих и крестьян. Не вором, а человеком. Пускай маленьким, обычным, серым, таким, как все, ничем, по сути, не выделяющимся в толпе, но непременно с большой буквы: честным, преданным, отзывчивым, как и завещал товарищ Горький. – Володя ненадолго поднялся, чтобы поправить старое одеяло, постоянно сползающее с костлявого тела его духовного наставника, и снова сел на прежнее место.

– Великий писатель. Наш. Пролетарский, – одобрительно крикнул старик, выражая юнцу уважение не столько за проявленную заботу, сколько за широту знаний. – А ты знаешь, кому Алексей Максимович посвятил эти мудрёные строки?

– Нет, конечно...

– Твоему тёзке – товарищу Ленину.

– Так ведь именно в честь его меня и называли, – глаза Подгорбунского ещё ярче заблестели в кромешной тьме, наполняясь бесовской молодецкой удалью. – Мой дед был большевиком и умер в ссылке, не дожив до революции. Отца казнили белогвардейцы за то, что под угрозой смерти не стал отказываться от своих убеждений; мать партизанила, работала в партийных органах. Тётя Оля активно сотрудничала с коммунистической прессой... Да что там говорить... Её дочь – Галя, то есть двоюродная моя сестрица, и то руководила пионерской организацией, стояла у истока «Базы курносых», а я – босяк, жулик, одним словом, – проходимец...

– «База курносых», говоришь... Что за хрень? Почему не знаю?

– Первая в Советском Союзе книга, которую полностью написали дети – литкружковцы шестой фабрично-заводской школы портового города Иркутска.

– Ты хоть держал её в руках?

– И не только держал, а даже читал. Тираж ведь немалый отгрохали – целых пятнадцать тысяч экземпляров. На всех хватило!

– И как тебе творчество иркутских пионеров? Понравилось? Аль не шибко?

– Ещё как... Самому товарищу Горькому, которого мы с вами вспоминали всего несколько минут тому назад, и то запало в душу!

– Круто, – похвалил Дед.

(Когда-то давным-давно, на заре своей юности, он тоже писал небольшие оригинальные рассказы, в основном – на армейские сюжеты, некоторые из них даже печатали в какой-то периодике, но дальше дело не пошло.)

– Кстати, – продолжал рассказывать его молодой коллега, усиленно жестикулируя и тараща и без того огромные карие глаза. – Ознакомившись с книгой, Алексей Максимович

даже пригласил Галину в Москву, на первый съезд советских писателей. Вместе с руководителем кружка Молчановым-Сибирским.

– Вот это да... Гордись, сынок!

– Чем?

– Родословной. Славная она у тебя.

– У меня? Нет, это у них... У меня только одни кражи и побеги.

– А знаешь что? Давай напишем письмо Сталину... Нет, может не дойти... Лучше все-союзному старосте Калинину – тот, говорят, многим помогает. Думаю, и тебя в беде не бросит с такой-то генеалогией!

(Так как своих детей у Полковника не было, к Володе он относился как к родному сыну и никоим образом не желал ему сомнительного воровского будущего, вот и высказал впервые мысль, которая мучила его в последнее время.)

– Какой ещё гинекологией? – скривил обиженное лицо Подгорбунский.

– Ге-не-а-ло-гия, – по слогам повторил Дед. – Наука, служители которой собирают различные сведения о генезисе родов...

– Чего-чего?

– Генезис, в переводе с греческого, значит происхождение, возникновение, становление, развитие и даже (что вовсе не обязательно) гибель объектов изучения, в нашем случае – семей, родов...

– Понял.

– Ну а если понял, то бери в моей тумбочке карандаш, тетрадь – будем строчить маляву в Кремль.

– Может, всё-таки в следующий раз? – с мольбой уставился в его быстро угасающие глаза Володя (боль внизу живота не утихала и настойчиво требовала выхода).

– Следующего может не быть. Пиши... Нет, сначала я! – Полковник начеркал несколько слов на первом листке и тут же аккуратно вырвал его. – Это для Попеля. Теперь ты!

– Готов. Диктуйте!

– Председателю ЦИК¹⁶ товарищу Калинину Михаилу Ивановичу от заключённого Подгорбунского Вэ Эн... Хочу стать на путь исправления... Обещаю вырасти честным человеком, патриотом нашей великой Родины... Последнее слово с большой буквы.

– Знаю!

– Закончил?

– Да.

– Поклянись, что станешь приличным человеком.

– зуб даю, как говорит Дровосек.

– Это серьёзно... Если зуб... Теперь я за тебя спокоен. Прощай, сынок.

Дед закатил глаза и...

А наполненное людьми тесное помещение разрезал дикий, полный отчаяния, истощенный вопль, через распахнутую дверь вырвавшийся далеко за пределы барака:

– Батя-а-а! Родный! А-а-а!!!

2

Колыма-Колыма... Чудная планета...

---

¹⁶ ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет – высший орган власти СССР, в 1922–1938 годах бессменно возглавляемый М.И. Калининым, которого в народе любовно называли «всесоюзным старостой». То есть номинально Михаил Иванович являлся первым лицом государства рабочих и крестьян.

Девять месяцев – зима, остальное – лето.

Наш герой отбывал очередное наказание далеко от Магадана, однако такая характеристика вполне подходила и для тамошних погодных условий.

Ночные заморозки – чуть ли не до середины мая. И вдруг – бац – жара! Причём такая, что к концу весны уже желтеет, а в начале июня и вовсе выгорает – причём дотла, казалось бы, совсем недавно прорезавшаяся трава.

Резко континентальный климат! В отличие от более мягкого (субарктического с чертами муссонного), что преобладает в упомянутой Колыме.

Особенно тяжело привыкают к таким катаклизмам всякие служивые люди: те, кто по долгу службы обязан носить форму установленного (в основном – воинского) образца. Плюс многочисленные арестанты, уркаганы, у которых вместо мундира – засаленный ватник.

Почему?

Ночью даже в телогрейке – дрожишь от холода, а днём, на палящем солнце, хочется сбросить не только фуфайку, но и нижнее бельё.

Хорошо ещё, что работы летом здесь значительно меньше, чем в иное время года. Ведь каждый знает: лес лучше всего заготавливать зимой.

Во-первых, что тракторами, что лошадьми – да любой тяговой силой! – транспортировать по снегу брёвна гораздо сподручнее, чем волочь их по бугристой земной тверди. Соответственно, и риска повредить ценное природное сырьё значительно меньше.

Во-вторых, из-за пониженной концентрации естественных антисептиков – смоляных кислот и эфирных масел – в летнюю пору древесина больше подвержена гниению, а значит, и хранить её сложнее.

А коль так... Веселись, братва, гуляй... Пиши письма мелким почерком да гоняй мяч на недавно разровненной площадке за дальним бараком.

Володька со всей силы пнул правой ногой самодельную, сшитую из лоскутов кожи, сферу, набитую старым непотребным хламом (тряпками и даже бумагой), и в тот же миг разочарованно схватился за голову, умудрившись не попасть с пяти метров в собственноручно сколоченные ворота. И тут с противоположной стороны поля до его ушей лёгкий ветерок донёс зов старого друга Дровосека, игравшего в его команде роль последнего защитника.

– Горбун!

– Ну?

– По твою душу!

– Кто?

– Увидишь!

Подгорбунский повернул голову и, узрев вдали стройную фигуру в новенькой форме защитного цвета, приветливо махнул рукой.

Не узнать заместителя начальника лагеря по культурно-воспитательной работе лейтенанта Степана Карпикова он конечно же не мог. Тот был назначен в их исправительное учреждение совсем недавно, в конце прошлого года, сразу по окончании то ли профильного училища, то ли каких-то специфических курсов, и сразу пришёлся по нраву большинству сидельцев.

Да что там «по нраву»?

Многие его откровенно обожали. За то, что видел в каждом не безликого представителя заключённого контингента (зэка), а живого человека. Божью кровинку.

Со своими проблемами, особенностями характера, «психами и бжиками», как говорил сам Степан Сергеевич, но личность – уникальную, неповторимую, особенную.

Именно этот молодой офицер готовил и подписывал характеристики на всех досрочно освобождаемых узников, в том числе и на нашего главного героя. Такая бумага по тем временам дорогого стоила: «Трудолюбив, сознателен, образован, честен».

О письме своего подопечного «всесоюзному старосте» лейтенант, естественно, знал: перлюстрация в местах лишения свободы – штука необходимая и отменять её никто не собирался. Ни в ближайшее время, ни в долгосрочной перспективе.

Но...

Вся суть проблемы состояла в том, что наш главный герой уже давно подзабыл о своём, как он не раз думал – нелепом поступке и был немало ошарашен, когда замнач по культвоспитработе (так тогда сокращённо звучала должность Карпикова) сообщил радостную весть:

– Ты свободен, Володя.

– Ур-ра! Воля!

Вырвавшийся из его горла крик поддержали ещё сотни молодых (и не очень) узников.

– Ур-ра!!!

3

Несмотря на очевидную схожесть характеров и прежде всего невероятную любовь к разного рода авантюрам, Подгорбунский конечно же не был д'Артаньяном. А комиссар Попель, к которому его направил умирающий Полковник, графом де Тревилем (несмотря на некоторую созвучность фамилий).

И страна действия не та, и времена всё-таки иные. Не самые аристократические, недостаточно благородные, что ли?

Эпоха строительства коммунизма! А что такое этот самый коммунизм? Правильно: советская власть плюс электрификация всей страны, если следовать (а как же иначе?) заветам Ильича... О воспитании каких-либо выдающихся личных качеств речь при этом не идёт.

Пока.

(Моральный кодекс строителя коммунизма появится значительно позже – после XXII съезда КПСС.)

Однако, как бы там ни было, рекомендационное письмо своё действие возымело.

Осенью Володю призвали в РККА. Срок службы в технических войсках, а именно в танковые (с 1936 года – автобронетанковые), по его же настоянию, определили Подгорбунского – в то время составлял всего лишь два года... И с этого момента в документах нашего героя начинается бесконечная путаница.

Кавардак. Невероятная бюрократическая неразбериха. Во все века и времена свойственные нашим доблестным войскам (и не только).

Всё дело в том, что согласно данным из открытых источников Владимир проходил срочную с 1936 по 1938 год, а в послевоенных воспоминаниях его высокого покровителя – бригадного комиссара, а затем и генерал-лейтенанта танковых войск РККА товарища Попеля упомянут один очень интересный и, прямо скажем, чертовски странный эпизод, не то, что бы полностью опровергающий это утверждение, но изрядно корректирующий сроки службы.

Цитирую по книге «Впереди – Берлин!»¹⁷:

«Впервые мы повстречались ещё до войны в городе Стрый. Неожиданно в танковую дивизию прислали “пополнение в единственном числе”: бывшего беспризорника Подгорбунского...»

Но ведь раньше этот населённый пункт, как и вся Западная Украина, не входил в состав СССР, а, значит, никакой Красной армии там и близко быть не могло.

---

¹⁷ Попель Н.К. Впереди – Берлин!. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001.

Стрый – райцентр Львовской области¹⁸, где накануне войны базировалась 12-я танковая дивизия РККА (командир – генерал-майор Тимофей Андреевич Мишанин; он погибнет 30 июня 1941 года). Скорее всего, именно в этой части – № 6116 – и проходил срочную службу Подгорбунский. Штаб же всего 8-го механизированного корпуса под командованием генерала Дмитрия Ивановича Рябышева находился ещё западнее – в Дрогобыче, одно время даже бывшем областном городом.

Следовательно, их встреча никак не могла состояться раньше 17 сентября 1939 года. А к тому времени Владимир уже должен быть по-любому демобилизован!

Так, может быть, уважаемый военный мемуарист имел в виду кого-нибудь другого, чье имя и фамилия случайно совпали с данными нашего главного героя? Мало ли таких на просторах необъятной Руси?

Ан нет! Достаточно взглянуть на следующий абзац тех же комиссарских воспоминаний: «Сын партизанского командира, погибшего в армии Сергея Лазо, он воспитывался в детдоме “Привет красным борцам”».

Тут уже без вариантов, хочешь не хочешь, – наш «курилка»!

Непременно следует уточнить, что сам Николай Кириллович Попель в то время, вне всяких сомнений, действительно находился во Львовской области. Войну он встретит в качестве заместителя командира 8-го механизированного корпуса по политической части, а чуть позже возглавит наспех сколоченную «подвижную группу», которая ещё долго будет оказывать ожесточённое сопротивление врагу под славным городом Дубно¹⁹, о чём нынче писано-переписано, и о чём я сам подробно поведал читателям в наполовину документальном (как всегда!) романе «Фриц и два Ивана»²⁰.

Следовательно, никаких оснований не верить товарищу Попелю у меня лично нет.

Но тогда выходит, Владимир тоже принимал участие в освободительном походе 1939 года?

А раз так, то, возможно, призвали его не в 1936-м, а в 1937-м?

Или же по каким-то причинам оставили служить сверх положенного срока?

Вопросы, вопросы, вопросы... На многие из которых у автора на сегодня просто нет ответов. Может, они появятся уже после того, как эта книга увидит свет?

4

После демобилизации Подгорбунского почему-то занесло не в Первопрестольную и даже не в обжитые сибирские города, а в... Иваново, где он прожил несколько счастливых мирных лет.

Впрочем, слово «почему-то» здесь наверняка неуместно.

Где ещё, как не в городе невест, лучше всего «зализывать раны» после многочисленных «тяжестей, лишений и невзгод» непростой воинской службы?

Владимир быстро освоил специальность слесаря и начал работать на одном из местных предприятий. Вскоре там ему выделили личную жилплощадь: то ли в общежитии, то ли, как сейчас говорят, в малосемейке, по адресу улица Красных Зорь, дом 4, квартира 14. Того здания в Иваново больше нет, а вот улица, как ни удивительно, сохранилась.

¹⁸ Тогда УССР, теперь независимой Украины.

¹⁹ Дубно – административный центр, как тогда писалось Дубенского района Ровенской области УССР, а ныне – Дубновского района Ривненской области независимой Украины, знаменитый ещё и замком, под стенами которого легендарный казачий атаман Тарас Бульба, герой одноимённой повести из цикла «Миргород» гениального Н.В. Гоголя, произнёс свою всемирно известную фразу, адресованную сыну Андрию: «Я тебя породил, я тебя и убью!».

²⁰ Бортник С. Фриц и два Ивана. М.: Вече, 2015 (Военные приключения).

Доблестный труд нашего, ставшего на путь исправления героя прервала Великая Отечественная война, о начале которой советским людям 22 июня 1941 года в 12 часов 15 минут сообщил по радио товарищ Молотов, народный комиссар иностранных дел СССР.

Помните?

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Подгорбунский одним из первых пошёл в Фрунзенский военкомат, за которым был закреплён по месту проживания. Но его по каким-то причинам ещё долго не хотели призывать в армию.

На фронт он отправится только в январе 1942-го...

III. Боевой путь. Начало

1

Ещё 14 августа 1941 года на стыке Центрального и Резервного фронтов из двух наших армий был создан новый фронт, получивший название от направления, которое ему поручили прикрывать, – Брянский.

Но уже к концу октября большинство его частей были окружены и безжалостно разбиты; те же, кому посчастливилось выжить, отошли на линию Дубна – Плавск – Верховье – Ливны – Касторное и приняли активное участие в обороне столицы нашей Родины.

Из-за понесённых потерь 10 ноября 1941 года фронт был расформирован – вроде бы как окончательно и бесповоротно.

Но ровно через две недели – 24 декабря – вдруг воскрес, восстал из пепла, правда, уже в новом формате!

...В начале марта 1942 года помощник командира взвода роты ПТР (противотанковых ружей) 445-го мотострелкового батальона старший сержант Подгорбунский попал в настоящий ад – под уже упомянутые Ливны Орловской области, куда спешно перебросили его недавно сформированную 1-ю мотострелковую бригаду, воевавшую в составе 1-го танкового корпуса под командованием личного друга комиссара Попеля – Михаила Ефимовича Катукова.

(В 1939 году тот был командиром 34-й легкотанковой бригады, которая прошла маршем 748 км до города Замостье²¹, потеряв в боях 8 человек убитыми и 6 ранеными. При этом было захвачено 11 танков и взято в плен около 30 000 польских солдат и офицеров.)

Тогда Володя пару раз пересекался с полковником Катуквым и с тех пор считал, что тот по какой-то причине был должен его запомнить. И правда, как нормальный человек может забыть такого отъявленного сорванца?

Уверовав в собственную значимость, Подгорбунский мысленно дал себе слово, что при первой же встрече с командующим попросится назад – в механики-водители танков.

И подобная возможность ему вскоре представилась...

2

Вообще-то всякие ручные бронебойные комплексы использовались всеми противоборствующими сторонами ещё во время Первой мировой войны (чуждой интересам трудящихся империалистической бойни, как считали в СССР).

Но в Красную армию первые противотанковые ружья (целых пять штук!) разработки Николая Васильевича Рукавишникова поступили лишь в 1939 году. Да и то их вскоре сняли с вооружения.

Поэтому в начале Великой Отечественной войны бить немецкие танки красной пехоте по факту было нечем. И товарищ Сталин призвал срочно решить эту проблему. По его приказанию в Кремль вызвали самых опытных на то время конструкторов стрелкового оружия: Василия Алексеевича Дегтярёва и Сергея Гавриловича Симонова, перед которыми поставили задачу в течение месяца разработать конструкцию новых ПТР. Однако те справились ещё быстрее – за три недели.

---

²¹ Теперь Замосць – город, центр повята Люблинского воеводства Республики Польша. 25 сентября 1939 года этот населённый пункт был взят советскими войсками, но уже в начале октября передан под контроль германской стороны.

В ходе испытаний оба экспериментальных образца проявили себя самым лучшим образом, и мудрый вождь немедля распорядился начать их серийное производство.

В конце октября 1941 года ПТРД и ПТРС стали массово поступать в красные войска.

А уже 16 ноября в районе подмосковной деревушки Ширяево бойцы 1075 стрелкового полка, вооружённые гранатами, бутылками с зажигательной смесью и 11-ю противотанковыми ружьями, приняли неравный бой с врагом, в ходе которого уничтожили 15 немецких танков.

Вот с каким оружием в руках пришлось воевать нашему герою!

3

Светало...

Володя уже не спал и даже успел выкурить первую сигарету. Естественно, трофейную... Роскошную, нежную, как тёплый летний западный ветер, частенько наведывающийся в здешние места, но явно недостаточно крепкую для жаждущей души неужённого, не знающего меры в дурных привычках, русского человека. Вчера они отбили у фашистов обоз, в котором чего только не было: часы, карандаши, портсигары, ложки-вилки и даже порнографические снимки...

Фрицы есть фрицы. Всё у них неправильное, наносное, лживое. Фуфло, как сказали бы на зоне.

В том числе и табачок.

Пыхтишь-давишься, щёки то втягиваешь, то надуваешь, а толку никакого.

То ли дело наша, отечественная махорка. Затянулся, выдохнул – полвзвода возле тебя накурилось.

Экономия!

Намедни поздно вечером Подгорбунский попробовал побриться, как белый человек, истинный, чёрт возьми, ариец. Многоцветный станок, безопасные американские «жиллеты», прославленные ещё в Первую мировую...

Мусолил, елозил, водил лезвием взад-вперёд целых полчаса, а в результате – пшик. «Кака была, така есть...» Щетина, конечно, изрядно похудела, но полностью не исчезла. Рожа чесалась и требовала продолжения экзекуции.

Ну, совсем не тот эффект, что после советской, хоть и опасной (если верить названию) бритвы... Та даже верхний слой кожи подбирает. Зато потом – шик, блеск, красота! Ощущения такие, будто заново родился на свет.

Главное – правильно наострить лезвие. А дальше всё как по маслу: чик-пик – и готово! Огурчик! Можно хоть сейчас в ЗАГС. Было бы с кем.

Тьфу, чёрт, придёт же такое в голову...

Война!

А он о свадьбах, бабах и личной гигиене! Будто бы небритому воевать нельзя...

Главное ведь не форма, не внешний вид, а конечно же выучка, умение! Плюс личные качества бойца: смелость, мужество, жертвенность...

Но никак не длина шерсти на щеках.

Однако...

Позвольте не согласиться с подобным утверждением. Настоящий, правильный – идеальный (О! Подобрал наконец-то нужное слово!) солдат должен быть всегда гладко выбрит и слегка выпивши; как говорят французы – подшофе (в переводе – разгорячённый, возбуждённый)... Или – навеселе, если по-нашему, что даже точнее (как по мне, то вообще – в самое яблочко).

Подгорбунский прильнул к горлышку походной фляги, с сожалением констатируя, что в ней находится не отечественная «вакса» (так сорокоградусную называют по фене), и даже

не противный вражеский снапс, а обыкновенная, как и положено, вода из ручья Мокрец²², и совершил первый жадный глоток. За ним – другой, третий...

И вдруг со стороны позиций противника в небо взвилась сигнальная ракета!

Нет, не врала разведка... Фрицы-таки готовят прорыв на их участке фронта.

Пора!!!

Не выплёвывая незажжённую сигарету, старший сержант Подгорбунский жестом подзвал к себе красноармейца, выполнявшего роль второго номера в их наспех сколоченном расчёте, а сам выдвинулся немного вперёд, на заранее подготовленную позицию, устроенную в небольшой ложбинке на опушке леса, и уже там чиркнул кремниевой зажигалкой. Опять же трофейной – «Imco Triplex 6700», прозванной за безотказность «вдовушкой».

«Единственный достойный фашистский товар, – удовлетворённо хмыкнул при этом. – Практически незаменимая вещь для непряхотливого и непривыкшего к роскоши русского солдата... Со спичками, которые постоянно отсыревают и ломаются, как известно, много не повоюешь!»

Издали донеслось хорошо знакомое урчание вражеского танкового двигателя. Владимир повернул влево рукоятку затвора, после чего положил патрон на направляющий скос верхнего окна ствольной коробки и дослал затвор вперёд.

Осталось только плавненько нажать на хвост спускового крючка...

Но сначала надо подпустить «зверя», как можно ближе – метров на сто – двести. Чтоб уже если шарahnуть, так с гарантией!

Прошло ещё несколько секунд и на ближайший к ним холм (местность здесь бугристая) выполз какой-то лёгкий танк с крестом на броне.

– «Чех», – подсказал напарник. (Таким коротким, но ёмким и, главное, точным определением в красных войсках наградили все «панцерники», произведённые для нужд вермахта на пльзеньском концерне «Шкода»; те из-за своей, не самой мощной, брони, слыли идеальной мишенью для наших бронбойщиков.) – Командир, пли!

– Слушаюсь! – шутиливо подчинился Подгорбунский.

Бабах!

И «Panzerkampfwagen 38 (t)» (так их называли в германской классификации) мгновенно запыхал огнём.

Остальные, следовавшие за ним, «железные собратья», развернулись и дали драпака. Зато на поле боя появилась вражеская пехота.

– Твоя очередь! – сухо выдавил герой, выплёвывая очередную сигарету. («Всё, впредь к этому импортному дерьму никогда больше не прикасусь!») – Эй, парень, ты чего?

Боец не отвечал. Ну, не могут мёртвые разговаривать – и всё тут...

Выругавшись, Подгорбунский схватил оставшийся бесхозным пулемёт и принялся строить по наступающему противнику. Доселе казавшиеся довольно стройными ряды гитлеровцев заметно поредели.

А спустя несколько секунд случилось и вовсе то, чего он никак не ожидал: оставшиеся в живых фашисты бросились врассыпную, оставляя на поле боя тела своих погибших товарищей, в том числе и двух танкистов из экипажа ранее подбитого танка.

Отважного советского бронбойщика тоже задела шальная пуля. Но не смертельно. Просто оцарапала плечо, не причинив существенного вреда иным, более жизненно важным, органам. Показываться лекарям с «такой ерундой» Подгорбунский категорически отказался. Однако командир роты настоял на необходимости медосмотра.

---

²² Живописный ручей, текущий через деревню Бараново Ливенского, как указывают на современных картах (почему не Ливенского, если Ливны?) района Орловской области, где во время Великой Отечественной войны стоял (располагался?) мотострелковый батальон, в котором воевал наш главный герой.

Полевые эскулапы зафиксировали лёгкое ранение и отпустили Владимира с миром.

А спустя несколько дней (14 июля 1942 года) Государственный комитет обороны принял постановление № 2039 о введении в войсках знака за ранение. Так что теперь наш герой имел полное право щеголять тёмно-красной нашивкой из шёлкового галуна.

Впрочем, вскоре от такой практики ему придётся отказаться. Ибо, как позже сообщит видный мемуарист Попель, «если бы Подгорбунский носил все нашивки за ранения, на его груди не осталось бы места для боевых наград»...

С тех пор на этом участке фронта установилось относительное затишье.

Ни в тот, ни в следующие несколько дней, фашисты никаких атак больше не предпринимали.

Побаивались, получив «по рогам»...

4

Подгорбунский приволок тело погибшего товарища в расположение части и, предав земле по христианскому обычаю, принял согласно устоявшейся в российских (и не только) войсках традиции приводить в порядок личное оружие.

И тут невдалеке раздался визг тормозов.

Бойцы противотанкового взвода, словно по команде, одновременно высунули головы из траншеи и дружно ахнули: в их сторону в сопровождении ротного бодро чеканил шаг сам командир 1-го танкового корпуса, который не так давно первым в Красной армии был удостоен звания «гвардейский», Михаил Ефимович Катукон.

– Смирно! – на каких-то совершенно немислимых свержчастотах выкрикнул Володька (так громко, что на соседних деревьях всполошились птицы). – Товарищ генерал-майор...

– Отставить! – полководец, улыбаясь, протянул ему руку, словно равному. – Как звать тебя, братец?

– Старший сержант Подгорбунский.

– Постой, дружок... Уж больно знакома мне твоя босяцкая физиономия. Да и фамилия, как говорится, на слуху... А не тот ли ты разбышака, которого ещё в тридцать девятом нахваливал и рекомендовал командованию товарищ комиссар Попель?

– Так точно. Тот!

– Тогда мы, кажется, даже встречались с глазу на глаз?

– Было дело. И не единожды.

– А не ты ли возглавил нашу колонну во время марша из Сокаля в Стрый?²³

– Так точно. Я.

– Странно получается... Такой знатный специалист, без преувеличения – золотые руки – и, по каким-то неизвестным нам причинам, не в танке, а в заштатном, чёрт побери, окопе?

– Не моя в этом вина, товарищ комкор. Так вышло. Может, в военкомате что-то напутали, а может... враги народа постарались? – в своей привычной, можно сказать, полушутливой-полуиздевательской манере предположил Владимир.

– Диверсия – точно, – в том же духе согласился с ним Михаил Ефимович. – Как бы там ни было, душевно рад нашей новой встрече.

– Взаимно!

– Вы только посмотрите, дорогие товарищи бойцы. В одном строю с вами, плечом к плечу, находится бывший беспризорник, который фактически с младенчества воевал с японскими интервентами в красном партизанском отряде – ещё во времена Гражданской войны, –

---

²³ Сокаль, Стрый – райцентры Львовской области Украины.

с едва заметной долей иронии и, пожалуй, даже некоторого ехидства в как обычно зычном и звонком командирском голосе добавил Катукوف.

– Воевал – шибко громко сказано! – достойно оценил генеральский юмор Подгорбунский. – Больше пугал их разными звуками из-под пелёнок...

– Силён! И в бою, и в словесных прениях, – с напускной, но уже не язвительной улыбкой на узком вытянутом лице похвалил Михаил Ефимович и спросил серьёзно: – В рядах броневой бойцов каким образом оказался?

– Призвали, – грустно пожал плечами Владимир. – Я особо не сопротивлялся...

– Ладно, разберёмся! – командующий ещё раз протянул смельчаку свою крепкую ладонь. – Молодец. Представлю тебя к боевой награде... Мне кажется, для такой роскошной богатырской груди медаль «За отвагу» будет в самый раз.

– Спасибо... Ой, простите... Служу... – засмутился наш герой, осознавая, что нарушает все требования Уставов; его плутовское лицо при этом налилось краской.

– Отставить.

– Есть!

– Вот что я думаю по этому поводу: грех такого квалифицированного кадра держать в пехоте. На боевую машину пересесть желаешь?

– Если честно, мечтаю. Давно.

– Тогда... Пиши рапорт на моё имя... Рассмотрим!

Катукوف резко развернулся и пошёл к своему автомобилю.

Он был потомственным военным: дед Михаила Ефимовича – Епифан Егорович – участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов под командованием легендарного генерала Скобелева (да-да, того самого – «равного Суворову», что обычно в белом мундире летел впереди всех своих войск на белом коне, позже ему присвоят негласный титул освободителя Болгарии!); отец – Ефим Епифанович – в начале XX века воевал с японцами. Может быть, поэтому Катукوف не любил пустопорожних болтунов и сам никогда не опускался до скучных долгих разговоров. Негоже красному командиру «гнать пургу», ворочать почём зря языком.

Он всё сказал.

Всё!

И, не пытаясь что-то разъяснить, разжевать или просто добавить, собрался отбыть в штаб. Но, пройдя несколько шагов, вдруг вспомнил, что обозначил далеко не все задачи на сегодняшний день для отличившегося подразделения, в котором воевал наш герой, и снова повернулся к броневой бойцам.

– Там, на поле боя, остались лежать пару гитлеровцев... Надо бы прибрать их тела и закопать. Иначе... Лето... Жара... Ближе к вечеру здесь будет стоять такая вонь, что врагу не пожелаешь...

– Ничего. Мы люди привычные, – под общий смешок заключил кто-то из младших командиров. – Лично у меня их смердящие трупы вызывают только чувство общего удовлетворения.

– Как я погляжу, вы просто жаждете незамедлительно облачиться в намордники со слоновыми хоботами? – как-то не по-доброму покосился на него Катукوف.

– Никак нет, товарищ генерал-майор! – немедленно запротестовал тот, прекрасно понимая, куда клонит командующий корпусом.

Средства противохимической защиты во все века и времена пользовались в войсках недоброй славой: применять их по доброй воле обычно никто никогда ни за что не соглашался.

– Тогда за работу! – довольно улыбнулся Михаил Ефимович.

– Есть! – рявкнули подчинённые. Одновременно и бодро.

5

Лесистая местность, на краю которой дымился подбитый фашистский танк, произведённый для нужд Третьего рейха в разделённой и порабощённой Чехословакии, постоянно обстреливалась противником. Но ждать наступления темноты у наших воинов не было ни желания, ни возможности.

– Ты фрицев прикончил, тебе их и хоронить, – окончательно «умыл руки» взводный.
«Что ж, мы люди негордые!»

Подгорбунский захватил плащ-палатку и впереди поступившего в его распоряжение молодого бойца Фаворова, не так давно призванного в Красную армию из какого-то небольшого подмосковного рабочего посёлка, пополз в направлении поверженного «панцерника».

Убитых и раненых пехотинцев вермахта, которых накрыло пулемётным огнём невдалеке от их собственных позиций, на поле боя уже не было – по-видимому, постарались гитлеровские санитары.

А вот танкисты, ушедшие далеко вперёд, всё ещё оставались на прежних местах.

Один «чумазый жмурик»²⁴ лицом вниз лежал на земле в нескольких шагах от гусеничной ленты – до спасительного леса он не дотянул около десятка метров; тело другого, точнее, верхняя его часть, как и прежде торчала из откинутого люка.

«С первым проблем возникнуть не должно, а вот со вторым придётся немного повозиться, – мысленно отметил Володька. – При том при всём придётся проявить недюжинную осторожность, чтобы самому вслед за ним не превратиться в чёрную головешку...»

Без приключений добравшись до ближнего покойника, старший сержант аккуратно уложил бездыханное тело на брезентовую материю и поволок назад, в ложбинку, к поджидавшему его напарнику. А тот сразу запустил руку вовнутрь комбинезона, чтобы достать документы фрица... В это время из унтер-офицерского зольдбуха²⁵ выпала какая-то печатная брошюрка. Памятка.

– Цейн геботэ фюр кригсфюрунг дес дойчен зольдатен, – прочитал вслух Фаворов, который, как выяснилось, знал толк в немецком языке.

– Ну-ка, переведи с собачьего на человеческий! – зло сплюнул Подгорбунский.

– Десять заповедей по ведению войны немецким солдатом! – чётко, как по-писаному, выпалил подчинённый.

– Ох, ни фиги себе! – ухмыльнулся Владимир. – Оказывается фашистские беспредельщики тоже обязаны руководствоваться какими-никакими понятиями?

– Вы о чём, товарищ старший сержант?

– Ладно... Проскакали... Всё равно тебе этого, хлопче, не понять.

– Обижаете. У меня высшее образование. Правда, незаконченное.

– У меня другая школа – между прочим, не менее выдающаяся...

– Какая?

– Это неважно, братец, ибо никто и не собирался брать под сомнение твои умственные способности. Так... Вспомнилось... Отрыжка прошлой жизни... Забудь. И начинай выполнять то, о чём я тебя просил!

– Перевести на русский?

– Переведи, будь добр, как любит выражаться наш командир корпуса.

²⁴ Чумазый – общее армейское прозвище танкистов. Жмурик – покойник (*жаргон*). Вот такая дикая смесь солдатского и уголовного сленга...

²⁵ Зольдбух, сольдбух, в оригинале – Soldbuch – солдатская книжка (*нем.*).

– Итак, пункт первый гласит: «Немецкий солдат воюет по-рыцарски за победу своего народа. Понятия немецкого солдата...»

– О! Видишь, как я и предполагал – «понятия»! Без них – никуда... Даже паталогические садисты вынуждены придерживаться каких-то общих правил; элементарных норм приличия, что ли?

– «...Касательно чести и достоинства не допускают проявления зверства и жестокости».

– Ох, ни хрена себе рыцари... Прямо озноб по коже пошёл.

– Пункт второй, – продолжил «переводчик», игнорируя многочисленные реплики и замечания своего старшего товарища. – «Солдат обязан носить обмундирование, ношение иного одеяния допускается при условии использования различаемых (издалека) отличительных знаков. Ведение боевых действий в гражданской одежде без использования отличительных знаков запрещается».

– Ну, это и козлу понятно! – в очередной раз вставил «пять копеек» Володька. – Так принято в каждой армии. Иначе – бардак, махновщина... Валяй дальше!

– Пункт третий: «Запрещается убивать противника, который сдаётся в плен, данное правило также распространяется на сдающихся в плен партизан или шпионов. Последние получают справедливое наказание в судебном порядке».

– «В судебном порядке»... Даже партизан и шпионов? – схватившись за голову, взвыл бывший завсегдагой лагерного «рая». – Они что, издеваются над нами, да?

– Четвёртый пункт, – как ни в чём не бывало продолжал его единственный подчинённый по вылазке. – «Запрещаются издевательства и оскорбления военнопленных. Оружие, документы, записки и чертежи подлежат изъятию. Предметы остального имущества, принадлежащего военнопленным, неприкосновенны».

– Эту чушь надо было нашим братьям зачитать. Тем, что в лагерях подыхали. Под Минском. Под Киевом, – возмущённо прокомментировал Подгорбунский. – Кого били, чем попало куда попало, а затем морили голодом под дождём или палящим солнцем... Ох и сволочи... Да ладно... Давай – не тяни резину, просвещай меня, неуча, как они – европейцы сучьи! – собираются нести нам, русским варварам, свет освобождения!

– «Запрещается ведение беспричинной стрельбы. Выстрелы не должны сопровождаться фактами самоуправства».

– Иллюстрацию этих святейших намерений мы с тобой имеем возможность наблюдать, не отходя от кассы. То есть здесь и сейчас! Тела ихних же товарищей красные безбожники собираются предать земле, так сказать, согласно христианскому обычаю, а они лютуют, будто звери. Воины света, блин! – окончательно вышел из себя наш главный герой.

– «Красный крест является неприкосновенным, – спокойно продолжал Фаворов. – К раненому противнику необходимо относиться гуманным образом. Запрещается воспрепятствование деятельности санитарного персонала и полевых священников».

– О! И опять в точку! Гуманисты хреновы, блин... А как они к мёртвым относятся – любо-дорого смотреть... Под одними Ливнами двадцать тысяч наших положили и, словно собак, зарыли в землю без всяких почестей... В то время, когда мы с тобой из-за ихних мертвецов своими драгоценными жизнями рискуем!

– А ещё – может, слышали? – напарник на мгновение оторвался от чтения и перешёл на шёпот, будто собираясь раскрыть неслыханную военную тайну: – Здесь, в Баранове, около пятидесяти наших бойцов, среди которых попадались и живые, и тяжело раненные, фрицы сложили в яму с водой и, чтобы тела не всплывали, забросали сверху камнями.

– Вот поэтому-то у них всех Вторая мировая, а у нас – народная, Великая Отечественная война. Стар и млад, как один, поднялись, чтобы плечом к плечу стать на защиту своей Советской Родины от великих европейских «освободителей»... Впрочем всё, пора закругляться – стрельба вроде как немного стихла... Что там у тебя ещё осталось?

– Пункт восьмой... «Гражданское население неприкосновенно. Солдату запрещается заниматься грабежом или иными насильственными действиями. Исторические памятники, а также сооружения, служащие отправлению богослужений, здания, которые используются для культурных, научных и иных общественно-полезных целей, подлежат особой защите и уважению. Право давать рабочие и служебные поручения гражданскому населению принадлежит представителям руководящего состава. Последние издают соответствующие приказы. Выполнение работ и служебных поручений должно происходить на возмездной, оплачиваемой основе».

– Эко как загнули! Значит, они нам свет, закон, правила, цивилизацию, а мы, дураки, сопротивляться!

– Выходит так, – вздохнул Фаворов и опять уставился в зольдбух. – «Запрещается приступ (переход или перелет) нейтральной территории. Запрещается обстрел, а также ведение боевых действий на нейтральной территории». Осталось всего два пункта!

– Только на хрена они мне?

– Так, для галочки, в целях общего просвещения!

– Нет... Пора... Пока стихла клоунада.

– Может, вы имели в виду канонаду, товарищ старший сержант?

– Может... Тьфу... Опять начали. Ты читай, братец, не останавливайся... Может, успокоятся, нелюди... Обед на носу – святое дело для любого супостата.

– «Немецкий солдат, попавший в плен и находящийся на допросе, должен сообщить данные касательно своего имени и звания. Ни при каких обстоятельствах он не должен сообщать информацию относительно своей принадлежности к той или иной воинской части, а также данные, связанные с военными, политическими или экономическими отношениями, присущими немецкой стороне. Запрещается передача этих данных даже в том случае, если таковые будут истребоваться путем обещаний или угроз». И последнее: «Нарушение настоящих наставлений, допускаемое при исполнении служебных обязанностей, карается наказанием. Донесению подлежат факты и сведения, свидетельствующие о нарушениях, которые допускаются со стороны противника в части соблюдения правил, закрепленных в пунктах 1–8 данных наставлений. Проведение мероприятий возмездного характера допускается исключительно в случае наличия прямого распоряжения, отданного высшим армейским руководством».

Подгорбунский устало смахнул пот со лба и ещё раз покачал головой, таким образом демонстрируя полнейшее презрение к лживым постулатам геббельсовской пропаганды; к «явному фарисейству» – как мысленно он озаглавил «фашистские понятия», и бросил вслух:

– Ладно... Ты гуляй, а я пошёл...

– Куда?

– Вперёд – за орденами!

– А если точнее?

– За вторым фрицем. Можешь, кстати, на всякий случай, пнуть несколько раз в сторону «воинов света», чтобы хоть немного умерить их огненную прыть. А то завалят командира, где ещё такого отчаянного найдёшь?

– И то правда – нет таких больше на свете. Так что берегитесь, дорогой Владимир Николаевич. Вы нам живой нужны.

– Давай на «ты», братец... Русские всё же люди. Как там тебя матушка до войны величала?

– Васькой! – отгоняя на задний план тёплые воспоминания о родной кровинке, довольно протянул Фаворов. – Точнее, Васюткой...

6

Обычно «великие» военачальники не очень-то и стремятся лезть в самое пекло. Да и не положено им. По закону любой страны и любого времени. Причём не только военного.

Руководить боем лучше всего со стороны. Находясь на безопасном расстоянии от средств поражения противника. Из хорошо оборудованного блиндажа, штабной землянки или командного пункта.

Выходит, выражение «риск – дело благородное», не ко всем относится; а к высоким воинским чинам, которые по идее должны соответствовать всем классическим канонам породистой добродетели, вообще не имеет прямого отношения?

Катуков не был исключением из правила. Но всё же – следует признать – появлялся на «передке» достаточно регулярно. А с недавних пор и вовсе разошёлся, распоясался: через день стал наведываться в расположение 445-го мотострелкового батальона.

Первый раз – для того, чтобы вручить его бойцам награды; второй...

Впрочем, давайте по порядку!

Комбат, заранее предупреждённый о предстоящем визите высокого начальства, в очередной раз нетерпеливо прильнул к добытому в бою уникальному цейссовскому биноклю (тоже неслабый трофей!) и уставился в северо-западном направлении.

Как вдруг...

Из чернеющего на горизонте Вахновского леса²⁶ наконец-то вынырнула знаменитая комкоровская «эмка»²⁷, уверенно ведомая твёрдой рукой старшего сержанта Александра Кондратенко – личного водителя Катукова ещё с далёких довоенных времён.

– Батальон, стройся! – прогремела долгожданная команда. – Первая рота – слева от меня, вторая – за ней!

И почти сразу же – как только распахнулась правая дверца легковушки:

– Товарищ генерал-майор...

– Отставить, – в своём стиле отмахнулся Михаил Ефимович. – Здравствуйте, товарищи первогвардейцы!

– Здрав... жел... тов...

– Сегодня мы прибыли к вам не с пустыми руками, – Катуков располагающе улыбнулся и предоставил слово своему спутнику – капитану, прибывшему вместе с ним в автомобиле. – Сергей Иванович, огласите приказ, пожалуйста!

Штабист запустил руку в толстый кожаный портфель и, выхватив из него какой-то листок бумаги, принялся торопливо читать вслух.

Ничего интересного. Скукота, рутина: должности, звания, фамилии... Боевые эпизоды. От матёрых бойцов, уже давно ставших славными орденосцами, до тех, кто получал первые медали. При этом он часто сбивался и каждый раз виновато поглядывал на своего патрона.

Когда дошло дело до интересующего нас персонажа, офицер в очередной раз запнулся, и генерал не выдержал, – оперативно взял на себя функции «тамады»:

– Помощник командира взвода роты ПТР старший сержант Подгорбунский Владимир Николаевич.

– Я! – бодро выпалил наш герой.

(Звонкости и громкости его голосу было не занимать.)

²⁶ Один из самых больших лесных массивов в европейской части РФ (площадь около 193-х гектаров); теперь – памятник природы.

²⁷ Автомобиль ГАЗ-М1.

– «Первого июля 1942 года вместе со своим расчётом подбил фашистский танк, а ручным пулемётом погибшего товарища рассеял до взвода вражеской пехоты»²⁸. За подвиг представлен к медали «За отвагу». Для получения награды – выйти со строя!

– Есть!

– Ну как, написал рапорт, герой? – шёпотом поинтересовался командир корпуса, прикрепляя на Володькину гимнастёрку самую желанную солдатскую награду в виде серебряного кружка с изображением танка «Т-35» чуть-чуть ниже уже упомянутой тёмно-красной нашивки.

– Ещё нет.

– Поторопись... На днях я приеду снова, чтоб всё было на мази, понял?

– Так точно, товарищ генерал-майор!

– Поздравляю!

– Служу Советскому Союзу!

– Становитесь в строй!

– Есть!

С тех пор наш герой вопреки всем правилам будет ходить в бой исключительно с боевыми наградами на груди.

Он так и погибнет – со Звездой Героя на походном офицерском мундире.

Однако до того времени успеет совершить ещё немало ратных подвигов!

7

В следующий раз командующий приехал не один. Следом за его «эмкой», словно диковинные громадные черепахи из далёкого заморского Галапагоса, поскрипывая-потрескивая при каждом манёвре, по лесной дороге, повторяющей все изгибы и ухабы некогда знаменитого Муравского шляха²⁹, неуклюже ползли два новеньких трудяги-грузовичка с зачехлёнными кузовами, прозванные в войсках «полундрами».

Под плотной брезентовой тканью скрывалось невиданное доселе ручное стрелковое оружие, которое уже в скором будущем обретёт статус легендарного, а чуть позже и вовсе – «оружия Победы». Новейший пистолет-пулемёт системы Шпагина образца 1941 года.

«Ремняка, железяка, деревяка», – как справедливо заметил кто-то из армейских остро-словов, ранее остальных получивший и освоивший ППШ. С тех пор это звонкое определение разошлось-разлетелось по красным войскам и теперь открыто использовалось во всех подразделениях на всех без исключения фронтах Великой Отечественной войны.

Причём употреблялся сей шуточный термин вовсе не с презрением, как могло поначалу показаться некоторым чрезмерно бдительным товарищам, и даже не с лёгким пренебрежением, которое каждый из нас (часто несправедливо!) испытывает по поводу отечественных ноу-хау, а вполне любовно, можно сказать, трепетно, с глубочайшим уважением, теплотой да искренней благодарностью.

За исключительную простоту, надёжность, безотказность в работе.

А ещё – скорострельность.

Тысяча выстрелов в минуту – это вам не хухры-мухры! Поливать с такой частотой свинцом не способен ни один «шмайсер» в мире. Да что там вражий «шмайсер»? На тот момент – вообще никакая «импортная» в том числе союзническая хрень!

---

²⁸ Ныне приказ о награждении Подгорбунского за тот бой (равно как и остальные документы на нашего героя и всех остальных участников Великой Отечественной войны) находятся в свободном доступе на сайтах «Подвиг народа» и «Память народа». Большое спасибо всем, кто причастен к созданию этих замечательных ресурсов.

²⁹ Один из главных путей, в XVI–XVII веках активно используемых крымскими татарами и ногайцами для торговли (ну и, как водится, для нападения) на Великое княжество Московское.

...Улучив мгновение, Подгорбунский подобрался к комбору на расстояние вытянутой руки и, ни слова не говоря, протянул ему заблаговременно написанный рапорт о переводе в механики-водители. Но тот лишь скривился в ответ:

- погоди немного – не до тебя сегодня.
- Но ведь вы сами...
- Ситуация на фронте кардинально изменилась. К осени ты и так будешь воевать в танке – обещаю.
- Что ж... Ловлю на слове...
- Отставить... Что значит ловлю?
- Виноват! Исправлюсь!
- Тогда же встретишься и с одним нашим общим знакомым...
- С кем?
- Его имя, с твоего позволения, называть пока не буду. Хочу преподнести тебе небольшой сюрприз.

– Лады! – совсем не по Уставу, разочарованно выдохнул старший сержант и вразвалочку побрёл по накатанной дороге, на которой всё ещё стояли две уже разгруженные «полундры», в сторону позиций своих товарищей-бронбойщиков.

– Горбун! – вдруг донеслось ему вслед из кабины ближнего грузовика.

Володька резко, до боли в затёкшей после общения с генералом шее (устал всё время тянуть вверх подбородок!), повернул голову и, не моргая, уставился в бездонные, бесконечно синие глаза водителя, успевшего спрыгнуть с высокой подножки.

– Дровосек?

– Я, братан, я!

Они обнялись.

– Давно воюешь?

– Давно. Чуть ли не с первого дня! – Дровяников (а это был именно он!) роскошно улыбнулся, демонстрируя редкие и не самые здоровые зубы, покрытые жёлтым налётом, и протянул другу пачку дефицитного «Беломора» с уже оторванным уголком, из которого торчало несколько гильз – так на самом деле назывался полый мундштук папирос. – Будешь?

– Не откажусь. Курить – Родину любить!

(Да-да, и такие, как бы сейчас сказали, слоганы, были в тогда ходу у разбитных советских рекламщиков!)

– Согласен... А ещё, ты не поверишь, я как-то читал на одной дореволюционной пачке: «Наша продукция – идеал джентльмена, лучший друг спортсмена»³⁰.

Лихой водила по-зэковски согнул папироску под прямым углом, что сделало её похожей на курительную трубку, и, щёлкнув всё той же любившейся советским воинам неприхотливой «вдовушкой», поднёс пламя сначала к «курке»³¹ собеседника, а потом и к своей, после чего надолго вперил взгляд в пока одну-единственную, но такую ценную и важную медаль, украшавшую новенькую, тщательно отутюженную гимнастёрку его некогда закадычного друга:

– Шо, продолжаешь геройствовать?

– Ага! – сухо согласился Подгорбунский, догадываясь, что дальнейшая беседа с бывшим корешем будет не такой простой, как ожидалось.

– А я всё ещё думаю, рассуждаю, примеряюсь, присматриваюсь... Пока!

– К чему, если не секрет?

– Стоит ли проливать кровушку за власть, которая нас так истязала?

---

³⁰ Такой слоган на самом деле украшал папиросы «Осман», выпускавшиеся в Российской империи в начале XX века.

³¹ Курка – набитая табаком часть папиросы.

– За власть, может, и нет. А за свой народ – стоит. За матерей и отцов наших, за погибших товарищей, за обесчещенных невест, за Родину, за наш священный Союз, наконец, за Святую Русь! Извини за пафос, конечно.

– Во как ты запел, однако!

– И чем не нравится тебе моя незатейливая песня?

– Честно говоря, всем... Но, главное, интонацией – слышал такое слово?

– Слышал... А как же.

– Выходит, ты в самом деле завязал?

– Да. Причём, могу тебя заверить, окончательно и бесповоротно.

– То есть навсегда?

– Именно.

– Что ж... Понял.

Дровяников ещё раз как-то не по-доброму (может быть, с тщательно скрываемой завистью?) покосился на грудь нашего главного героя и... В тот же миг звенящую тишину обычного для среднерусской полосы смешанного перелеска нарушил мощный сигнал клаксона, исходящий со стороны второй «полундры».

– Жаль. Так и не успели до конца излить друг другу души. Но... Может, ещё встретимся... где-нибудь когда-нибудь... на необъятных просторах забугорной Палестины?³²

– Там – точно нет. Гарантирую. А вот на фронте... Будем живы – обязательно свидимся!

– Замётано!

8

Забегая вперёд, скажу, что слово своё Михаил Ефимович, как всегда сдержал. Уже через несколько месяцев (если быть абсолютно точным – 8 сентября 1942 года) бригаду, в которой воевал старший сержант Подгорбунский, усилили 14-м танковым полком и, оперативно переименовав из первой мотострелковой в первую механизированную, включили в состав 3-го мехкорпуса, командовать которым назначили, естественно, всё того же генерала Катукова.

А военным комиссаром при нём утвердили Николая Кирилловича Попеля. (Вот, оказывается, о каком сюрпризе шла речь!)

Столь значительное укрепление нашей группировки на этом направлении было продиктовано намерениями советского главнокомандования провести в ближайшее время широко-масштабную наступательную операцию для того, чтобы наконец выбить ненавистного врага с занимаемых позиций.

И красные танкисты, сосредоточенные в районе деревни Антипино³³ (там, где река Лучёса впадает в Межу³⁴), начали вовсю готовиться к предстоящему действию: восстанавливали свою боевую технику, ремонтировали мосты и дороги, приводили в порядок обмундирование и личное оружие, запасались провиантом, боеприпасами и горюче-смазочными материалами, чтобы наконец прорвать фронт и отбросить ненавистного врага как можно дальше от столицы нашей Родины Москвы. Конечной же целью и вовсе было провозглашено окружение и уничтожение вражеской группировки в районе Белый – Оленино³⁵, но в силу различных причин, – как объективных, так и субъективных – не получилось.

---

³² Так на воровском жаргоне называют матушку-Сибирь и все наши необъятные зауральские просторы.

³³ Антипино – деревня в Бельском районе ныне Тверской (тогда – Калининской) области Российской Федерации (тогда – РСФСР).

³⁴ Реки бассейна Западной Двины на северо-западе европейской части РФ.

³⁵ Белый – небольшой городок, центр района, на территории которого и располагается Антипино. Оленино – посёлок городского типа, административный центр одноимённого (Оленинского) района той же области.

Не вышло! К глубочайшему сожалению всех участников этой (по планам) очень амбициозной операции.

Однако мы немного опередили события...

Чтобы не выбиться окончательно из нами же установленных жёстких рамок исторической хронологии, давайте попытаемся все вместе вернуться назад, в то славное, бескомпромиссное военное время, о котором мой сегодняшний сказ, и подслушаем беседу нашего главного героя с его давним знакомым и покровителем, на тот момент фактически исполнявшим обязанности заместителя командира корпуса по политической части (на самом деле, такую должность введут лишь спустя несколько недель – 9 октября 1942 года).

Сейчас же на календаре – 20 сентября, на удивление тёплый, ласковый, пахнущий увядающим разнотравьем, политым долгожданным ночным дождичком, выходной (если говорить о былой гражданской жизни), воскресный денёк!

Старт, начало прелестной, восхитительной поры, издавна именуемой на Руси бабьим летом.

Не очень ранее, но всё же утро.

Попель вдруг нагнулся и, разворошив вечнозелёный хвойный можжевельник, как говорят на его малой родине – верес; отсюда и первый месяц осени по-украински (да и старославянскому – вересень!), воскликнул:

– Белый!

– А вот ещё один! – немедля присоединился к «тихой охоте» удачливый по натуре Подгорбунский, исследовавший узенькую ложбинку в трёх метрах справа от комиссара. – И здесь – два! Ах, какие красавцы! Чистенькие, крепенькие, настоящие боровики... Но ведь вы, Николай Кирдатович³⁶, позвали меня вовсе не для того, чтобы вместе наслаждаться щедрыми дарами осеннего леса?

– Кирдатович... Давно меня так никто не называл, – протянул замполит. – Запомнил, стало быть, шельма?

– Да.

– Вот и славно... Однако впредь, во избежание неуместных вопросов, неминуемо влекущих за собой всяческие неприятности, лучше зови меня, как все, Кирилловичем. – Он лукаво прищурился и продолжил заранее подготовленную атаку: – В партию большевиков, случайно, вступить не желаешь, а?

– Нет. Чтобы достойно воевать на фронте, никакой партбилет в принципе не нужен, – откровенно нарываясь на неприятности, уныло пробурчал в ответ Володька, выкручивая из мха очередного матёрого красавца с толстой, напоминающей маленький пивной бочонок, коричневатой ножкой. – Но и ерепениться, упорствовать особо я не стану! Ибо, как вам, должно быть, известно, в моих жилах течёт самая, что ни есть красная, истинно пролетарская, кровь... И в прямом, и в переносном смысле этого слова... Всё же мать, отец, дед-бабка – короче, все мои предки до надцатого колена были яркими сторонниками большевистской идеи. Посему и мне пыжиться, упрямитесь, противиться как-то не с руки!

– Молодец. – Попель похлопал Владимира по твёрдому, будто рубленному из скалистой породы, плечу. – Осмотрись, подумай, и тогда примешь решение... Сам, без принуждения.

– И что затем?

– Для начала станешь младшим политруком...

– Не моё это, товарищ бригадный комиссар. Убеждать, агитировать каждый может. Это же не лес валить, не мешки ворочать, не камень крошить!

– Ну, не скажи...

---

³⁶ Отцом бригадного комиссара был мадьярский кузнец Кирдат Попель, женившийся на украинской крестьянке по имени Светлана.

– Мне бы в разведку. В тыл врага – с группой самых отъявленных корешей... В общем, по-вашему, – товарищей!

– Сначала – в партию, а потом посмотрим!

– Сколько у меня времени?

– Хорошее дело не требует поспешного согласия. Определишься на все сто – дашь знать... Тогда и посмотрим что почём. – Политработник продолжил излагать вслух свои хорошо продуманные инициативы, всё дальше и дальше забираясь в глубь смешанного леса. – Однако долго не тяни... Ибо у нас с Михаилом Ефимовичем грандиозные планы насчёт таких сорвиголов, как ты, имеются.

– Простите... А этих самых сорвиголов в известность насчёт собственного же будущего вы поставить не желаете-с? – с издёвкой и плохо скрываемым недоверием покосился на него Подгорбунский, заботливо складывая свои трофеи на заблаговременно расстеленную поперёк узкой лесной тропинки фронттовую газетёнку.

– Что ж... Попробую немного приоткрыть завесу военной тайны... Итак... Наши намерения практически полностью совпадают с твоими личными...

– С этого места, пожалуйста, подробнее!

– Командующий корпусом ратует за создание в составе вашей бригады особого разведывательного батальона из самых бесшабашных бойцов... Кому, как не тебе, возглавить одно из его подразделений? – Николай Кириллович хитрово улыбнулся и надолго замолчал, ни на миг не спуская глаз со своего визави, чтобы надлежащим образом оценить его реакцию. – Соответствующее обращение к Верховному мы уже отправили, теперь ждём его реакции.

– Но ведь это, как я понимаю, будет чисто офицерская должность?

– Вот-вот! Вступишь в партию, получишь звание...

– Ну, не знаю... Как меня с такой, мягко говоря, противоречивой биографией могут принять в святая святых, в славный ленинский авангард?

– Не боги горшки обжигают. Я дам рекомендацию, Михаил Ефимович поддержит...

– Значит, доверяете, товарищ бригадный комиссар? – воспрянул духом старший сержант.

– Ещё бы – на все сто. Наш ты. Советский. Настоящий. Про таких говорят: «С ним я бы пошёл в разведку!»

– Согласен. Всё, что связано с риском, это моё. Истинное, родное... Поэтому ещё раз настаиваю на особо дерзкой работёнке – немыслимой, труднообразимой, сверхрискованной – я потяну, справлюсь; можете не сомневаться. Даю слово.

– Не сомневаюсь.

– Спасибо.

– А что же в теперешнем положении тебя, братец, не устраивает?

– Вы только, пожалуйста, ничего плохого не подумайте. Бронебойщик – тоже хорошо. Однако... С недавних пор я нервно дёргаться начинаю всякий раз, когда упитанных фашистских ублюдков в прицеле вижу! И душевно мучусь из-за того, что достать их всех сразу не получается: руки, как у нас говорят, коротки! Вот если б с тылу зайти и в рукопашный контакт вступить, я бы им показал кузькину мать!

– Да погоди ты... Скоро перейдём в контрнаступление по всем фронтам, и у тебя появится не одна возможность продемонстрировать собственную крутость; показать себя, так сказать, во всей красе. Тогда и поговорим...

– Понял!

Замполит по-хозяйски упаковал завернутые в бумагу боровички в совершенно штатскую, явно диссонирующую со свирепым нравом военного времени, авоську, которую он непонятно с какой целью до поры до времени держал в планшете (а, может, знал, что в средней полосе России вот-вот начнётся грибной сезон и втайне готовился к этому «выдающемуся» событию?), и

только затем, увлекая за собой Подгорбунского, слегка ошалевшего от неожиданных предложений командования, повернул назад – на позиции истребителей фашистских танков, но внезапно остановился и задумчиво уставился в синее безоблачное небо.

– Что-то я ещё хотел тебе сказать, а что не помню...

– Думайте... Вспоминайте, а я пока сухих дровец немного собираю, чтобы не возвращаться назад с пустыми руками. Ночью дождик крапал... Блиндаж немного подсушить не помешает.

– О! Дров... Ефрейтор Дровяников... Точно! Ты с ним близко знаком?

– Да как вам сказать? В одном лагере срок коротали.

– И как он тебе?

– Нормальный пацан, – уклончиво пробурчал Владимир (не сдавать же старого товарища?) – Правильный... Надёжный... А что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.